

Московкина Ирина Ивановна

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
Украина, 61022, Харьков, пл. Свободы, 4
irina_mo@mail.ru, irinamoskovkina51@gmail.com

«Предпостмодернистский комплекс» в прозе и драматургии Леонида Андреева на фоне процессов в творчестве символистов 1910-х годов

Для цитирования: Московкина И.И. «Предпостмодернистский комплекс» в прозе и драматургии Леонида Андреева на фоне процессов в творчестве символистов 1910-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 72–81. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.106>

В статье охарактеризовано возникновение «предпостмодернистского комплекса» в прозе и драматургии Леонида Андреева на фоне процессов в творчестве символистов 1910-х годов. Ф. Сологуб создает оригинальные разновидности миниатюр — «Превращения» и «Сказочки». Они возникли в процессе редукции всех художественных элементов новеллистической структуры, а в основе их гротесковой целостности лежал монтаж полярно противоположных или разноприродных фрагментов. В итоге происходило ироническое снижение метаморфозы с высоты мифа до бытовой ситуации, деконструкция дидактического жанра сказки, игра распространенными стереотипами, оборачивающаяся парадоксальными суждениями. Это предвещало художественную практику русских футуристов (обращение со словом, истолкование и использование его знаковой природы, функции примитива и т. п.), абсурдистскую прозу Хармса, «Сказки для вундеркиндов» С. Кржижановского и т. п. В малой прозе В. Брюсова 1910-х годов, вошедшей в книги «Ночи и дни» и «Рея Сильвия. Элули, сын Элули», писатель отходит от символистской стилизации и авторской концепции книги «Земная ось» не в сторону реализма (как принято считать), а «предпостмодернизма». В основе его произведений обнаруживается инвариантная модель брюсовской модернистской новеллы. Но в ее поэтике большая роль отводится иронии, демифологизации, игре с читателем, интертексту — слово автора иногда теряется на фоне подчеркнуто «центонного» текста. Ироническая корректировка концепции художника как владельца «ключей тайн» открывала простор для различных интерпретаций произведений, предвосхищая приемы Набокова и постмодернистов. Произведения Андреева 1908–1919 гг. (от «Моих записок» до «Дневника Сатаны») тоже обнаруживают характерный для постсимволизма «предпостмодернистский комплекс». Его компонентами являются: значительное усиление иронии и игрового начала, имеющих трагифарсовый характер; важная роль метатекста; сопряжение мифотворчества с демифологизацией — игрой с мифом, ироническим переосмыслением символистских, христианских, идеологических мифов и своих собственных, созданных прежде; «мерцание» смыслов, приводящих к множественности интерпретаций произведений. Все эти стратегии и особенности поэтики проявились в иронических новеллах («Сын человеческий», «Неосторожность», «Конец Джона-Проповедника», «Черт на свадьбе», «Ослы», «Рогоносцы», «Чемоданов» и др.),

миниатюрах («Сказочки не совсем для детей», «Мои анекдоты»), одноактных пародийно-иронических «комедийках» (от «Любви к ближнему» до «Монуменга»).

Ключевые слова: Леонид Андреев, *предпостмодернистский комплекс*, ирония, демифологизация, метатекст, пародия, анекдот, абсурд.

В творческом наследии Л. А. Иезуитовой значительное место занимают работы, посвященные различным аспектам художественного мира Леонида Андреева — его прозы, драматургии и публицистики, поэтики и авторской концепции, связям с литературой предшественников и месту в искусстве Серебряного века [Иезуитова 1976; 2010]. Во многом определив направления исследования и уровень андрееведения второй половины XX в., они не исчерпали свой научный потенциал и сегодня. Пристальный интерес исследовательницы к таким особенностям поэтики Андреева, как символика, гротеск, ирония, экспрессивность повествования и т. п., позволили истолковать произведения, в которых они доминировали, преимущественно в эстетической, а не идеологической плоскости. Результаты исследования Иезуитовой способствовали постановке вопроса о специфике и месте модернистской составляющей в творчестве писателя, а затем и существенному сдвигу вектора в этом направлении — осмыслении его мировидения и поэтики как промежуточных между реализмом и модернизмом [Келдыш 1975; Кен 1975; Бабичева 1982; Боева 1996; Татаринцов 2001 и др.] или как интегрирующих различные модернистские парадигмы [Московкина 2005; Петрова 2010; Гусева 2012; Боева 2016 и др.].

Представляется, что взгляд на произведения Андреева с высоты рубежа XX и XXI столетий позволяет вычлнить в уже достаточно исследованной модернистской составляющей художественного мира писателя элементы так называемого «предпостмодернистского комплекса». Его отличительными чертами, как показала А. Ю. Мережинская, стали: последовательная демифологизация; ироническое обыгрывание и пародирование не только прежних художественных систем, но и своей собственной; важная роль метатекста (демонстрация приема); текучесть и неуловимость смыслов, приводящих к множественности интерпретаций [Мережинская 2004, с. 43]. По сути дела, речь может идти об особенностях проявления в творчестве Андреева фундаментальной для русской литературы 1910-х годов смены художественно-эстетических парадигм: символистской на постсимволистскую [Постсимволизм... 1995]. По характеристике И. А. Есаулова, постсимволизм был зоной бифуркации русской литературы начала века, т. е. приобретения нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров [Есаулов 1995]. Поскольку в отличие от символизма он был не столько целостной системой, строго ограниченной эстетическими принципами, сколько полем художественных возможностей, писатели реализовали их в соответствии со своими предпочтениями.

Возможным фоном, на котором складывающийся в прозе и драматургии Андреева «предпостмодернистский комплекс» становится более очевидным, могут служить процессы, происходившие в творчестве таких, казалось бы, «чистопородных» символистов, как Ф. Сологуб и В. Брюсов. Исследователи малой прозы Сологуба помимо новелл выделяют миниатюры, представленные жанровыми разновидностями «метаморфозы» (микроцикл «Превращения») и сказочки (цикл «Сказочки») [Молчанова 2014; Барковская 2003]. Стержнем жанровой модели миниатюр,

составивших микроцикл «Превращения» (1904), служит прием метаморфозы, характерный для многих новелл Сологуба («В толпе», «Маленький человек», «Белая собака» и т. п.). При этом новая жанровая разновидность возникла в процессе редукиции всех художественных элементов новеллистической структуры, кроме деталей (портрета, внутреннего состояния и поведения героев), связанных с ситуацией метаморфозы, заявленной в названии миниатюр («С книгой и книжкой», «Учитель и конторщик», «С учеником и гостем», «В сапогах и босиком», «С подчиненным и начальником»). В основе же их композиции лежит монтаж двух полярно противоположных фрагментов первой и второй части текста (до и после метаморфозы героя) в гротесковую целостность. Лакуна между этими частями оставляет простор для осмысления произошедшего самим читателем, заставляя его решать: в каком случае герой был настоящим, где его Лик, а где Личина.

Этому же служит и интертекст «Превращений» Сологуба, неизбежно вызывающий ассоциации с «Метаморфозами» Апулея и Овидия. На первый взгляд, миниатюры ближе к сатирическому изображению нравов и быта Апулеем. Но при всей ироничности повествователя в сологубовских миниатюрах нет дидактики, поскольку в них, как и в «Метаморфозах» Овидия, все текуче и ускользает от познания, в том числе и норма, мера вещей, с высоты которой автор может судить изображаемое. Видимо, не случайно размышлению над этой проблемой посвящен еще один сологубовский цикл миниатюр (фрагментов) под названием «Достоинство и мера вещей». Таким образом, в «Превращениях» Сологуба происходит ироническое «снижение» метаморфозы с высоты мифа до бытовой ситуации и, в то же время, благодаря выдвиганию на первый план самой ситуации превращения, заостряется философская проблема оборотничества, роли, маски и истинного лица человека.

Сходные процессы происходили при превращении фольклорной и литературной сказки в жанр «сказочки», который вырабатывался в творчестве Сологуба с середины 1890-х до 1910-х годов. Уже определение писателем жанра своих миниатюр, отразившееся и в названии цикла, указывает на стремление «поиграть» с жанром и достаточно ироническое к нему отношение. Не менее «говорящими» оказываются и многие названия самих сказочек, содержащие качественные и коннотативные значения определяемых слов и образов, отличающиеся оксюморонностью и гротесковостью («Смертерадостный покойничек», «Небесные сплетники», «Плененная смерть» и т. п.), что сразу обнаруживает их смеховой потенциал. Это подтверждает и анализ остальных аспектов поэтики миниатюр: прибегая к элементам, характерным для жанра сказки, Сологуб существенно трансформировал их, вплоть до полной деконструкции.

В «сказочках» разворачивается стилизованная под традиционную, но сводящаяся к ее сюжетной схеме, система событий, в рамках которой действуют так же пунктирно очерченные персонажи. Подобно фольклорным героям, они практически сведены к выполняемой функции, а не выписаны как характеры, что было свойственно литературным сказкам XIX в. Редуцируя сюжет до мотива, автор превращал свои миниатюры в некие примитивистские зарисовки, обнажающие до предела и контурно обозначающие глубинные абсурдные основы бытия человека. Воспроизводя известные жанровые модели, писатель тут же разрушал их. Поэтому в отличие от претекстов фольклора, Андерсена и Салтыкова-Щедрина «сказочки»

Сологуба не выполняют ни воспитательной, ни сатирической функции, а лишь выявляют абсурд, коренящийся в онтологических основах миросостояния и в духовных глубинах человека. Судя по всему, «сказочки» и новеллистика Сологуба предвещали не только абсурдистскую прозу Хармса [Барковская 2003], но и более широкий круг постсимволистских произведений XX в. Вполне закономерен вопрос о степени влияния Сологуба на художественную практику русских футуристов — их обращение со словом, истолкование и использование его знаковой природы, функции примитива и т. п. Видимо, можно говорить и об учете опыта Сологуба С. Кржижановским при создании его «Сказок для вундеркиндов» («Сбежавшие пальцы» (1922), «Швы» (1927–1928) и др.).

Стратегии, характерные для «предпостмодернизма», по-своему отобразились и в малой прозе В. Брюсова 1910-х годов. Правда, в отличие от очевидной деконструкции существовавших прежде моделей и ярко выраженного смехового начала в миниатюрах Сологуба, поэтика новелл Брюсова, вошедших в его книгу «Ночи и дни» (1913), на первый взгляд отходит от символистских ориентиров, проявившихся в новеллистике «Земной оси» (1907, 1910, 1911), в сторону реализма (к «психолого-бытовому письму» [Гиндин 2001, с. 43]). Именно так до недавнего времени и было принято трактовать вектор эволюции малой прозы писателя, благодаря ослаблению в ней роли стилизации и возрастанию степени жизнеподобия. Между тем новейшие исследования малой прозы, вошедшей в книги «Ночи и дни» и «Рей Сильвия. Элули, сын Элули» (1917), обнаружили в ее основе все ту же инвариантную модель брюсовской модернистской новеллы. Однако в ее поэтике гораздо большая роль, чем прежде, отводилась иронии, демифологизации, игре, что было обусловлено изменениями авторской концепции Брюсова и открывало простор для различных интерпретаций произведений [Дубинина 2015].

Малая проза писателя 1910-х годов свидетельствует о том, что, хотя он и не отрекается от своего символистского мифа о Поэте-ясновидце, все же существенно его корректирует. Особенно отчетливо это проявилось в авторской иронии по отношению к герою-художнику в новелле «Пустоцвет» и герою-музыканту в новелле «Моцарт». Если в новеллах 1900-х годов игра участвовала в кодировании множественных смыслов и созидании символистского мифа, то в новеллах 1910-х годов авторская игра с читателем изменяет эти функции в духе постсимволизма, служа демифологизации и дезавуированию авторитетных идей. На первый план демифологизация выходит в «Рее Сильвии», а в таких новеллах, как «Ночное путешествие» или «Таинственный посетитель (Рассказ в старом вкусе из новой жизни)», само слово автора теряется на фоне подчеркнуто центонного, полигенетичного текста. Сходные черты поэтики обнаружили и в остальных новеллах 1910-х годов (таких как «Сестры», «Шара» и др.). О том, что в творчестве Брюсова произошла смена художественных парадигм от символизма к постсимволизму и «предпостмодернизму», свидетельствуют и наблюдения С. И. Гиндина, сделанные в процессе анализа «Объяснительных примечаний» автора, включенных во второе издание романа «Огненный ангел», которые выполняли функции иронического остранения и создания глубины и перспективы повествования (добавим — и метатекста). Ученый справедливо заметил, что в «подобном использовании примечаний Брюсов до известной степени предвосхищает приемы позднего Набокова и писателей-постмодернистов» [Гиндин 2001, с. 33].

На таком фоне произведения Леонида Андреева 1910-х годов довольно отчетливо обнаруживают сходные особенности предпостмодернистской поэтики. Исследования его прозы и драматургии этого периода прежде всего свидетельствуют о значительном возрастании в них роли смехового начала, которое было одной из констант его творчества [Московкина 2005; Гусева 2012; Петрова 2010 и др.]. Условную рамку для произведений Андреева 1910-х годов образуют пародийно-гротесковая повесть «Мои записки» и трагедийно-гротесковая драма «Царь Голод» (обе — 1908), с одной стороны, и итоговый роман-миф «Дневник Сатаны» (1919), в котором господствует ирония, игра, парадокс и гротеск, — с другой. Включенная в эту рамку проза в основном представлена ироническими новеллами («Сын человеческий», «Неосторожность», «Покой», «Конец Джона-Проповедника», «Черт на свадьбе», «Ослы», «Рогоносцы», «Чемоданов» и др.) и миниатюрами («Сказочки не совсем для детей», «Мои анекдоты»). В его драматургии этого времени значительное место занимают одноактные пародийно-иронические «комедийки» (от «Любви к ближнему» до «Монумента»), а в трагедиях возрастает роль трагического гротеска и иронии (от «Черных масок» и «Анатэмы» до «Реквиема») [Сухоруков 2013].

Во всех названных и других произведениях Андреева 1910-х годов чрезвычайно важную структурообразующую и концептуальную функцию выполняет игровое начало, проявляющееся в различных формах интертекста (игры с «чужим» словом, образом, сюжетом, лейтмотивом, жанром) и автоинтертекста (игры с собственными претекстами) [Московкина 2011]. В прозе игра автоинтертекстом особенно очевидна в новелле «Сын человеческий», выполняющей функцию «смехового зеркала» по отношению к «Жизни Василия Фивейского», игра «чужим» (евангельским) словом — в «Правилах добра», с коллизией шекспировской драмы «Ромео и Джульетта» — в «Германе и Марте», а игра жанром (фольклорной и литературной сказки) — в «Сказочках не совсем для детей». Последний случай интересен и в связи со «Сказочками» Сологуба, опыт которого, судя по всему, учел Андреев. Подобно Сологубу играя с литературной сказкой, он создает упрощенно-схематичные миниатюры, в которых иронизирует как над мещанской моралью («правилами добра»), так и над самим дидактическим жанром, претендующим на владение истиной. При этом если степень деконструкции сказочных претекстов, примитивизма и абсурдизма в андреевских «сказочках» меньше, чем у Сологуба (абсурд максимально выражен в сказочке «Храбрый волк»), то ирония «язвительного Леонида» более откровенна и функционально важна. Гораздо ближе к сологубовским «примитивам» «Мои анекдоты» Андреева, отличающиеся «черным юмором», авторство которых приписывается герою-повествователю повести «Мои записки».

Сходные явления в драматургии Андреева наиболее очевидны в его одноактных «комедийках», где они доминируют. Как показала Ю. В. Бабичева, «кривым зеркалом иронии» Андреев все время контролировал сам себя [Бабичева 1982, с. 72–75]. Добавим, что на его «представления» можно посмотреть и как на «кривое зеркало», в котором трагифарсово отразились архетипичные коллизии «Жизни Человека», а также важные явления не только его собственного художественного мира, но и русского и европейского словесного, театрального и изобразительного искусства, и в этой связи осмыслить специфику и функции в андреевских миниатюрах для сцены интертекста и метатекста, в том числе взаимодействия в них неомифологического, анекдоти-

ческого и пародийного начал. Так, в «Прекрасных сабинянках» в пародийно-анекдотической форме функционирует интертекст мифов об основании Ромулом Рима и их отражения в искусстве (живописи и скульптуре) последующих эпох, а также интертекст соловьевско-символистских «новых мифов» о Прекрасной Даме. В «Любви к ближнему» в подобном виде функционирует библейско-евангельский интертекст и различные межтекстовые связи с русской, гуманистической в своих основах, литературой XIX в. (в первую очередь с романами Достоевского). В «Монументе» обнаружилась важная роль пушкинского и гоголевского интертекста, а также андреевской игры в этой «комедийке» как обывательскими стереотипами, так и «новыми мифами», вплоть до авангардистских. Процесс превращения Андреевым древних и новых мифов в литературные анекдоты, судя по всему, основывался на пародировании (травестировании) «высоких» образцов и, одновременно, их перестройке, ориентированной на модели жанра анекдота.

Такой нацеленностью на демифологизацию Андреев сближался с Брюсовым-предпостмодернистом. Одним из важнейших следствий «игры» в прозе и драматургии Андреева 1910-х годов оказывается последовательное разрушение старых и новых мифов, функционировавших в литературе и обществе в начале XX в.: христианских о Христе и его заветах (вроде «не убий» или любви к ближнему), ницшеанского мифа о «сверхчеловеке», соловьевско-блоковского о спасительной миссии Души мира (Прекрасной Дамы), символистского о художнике-демиурге и др. Таким образом, в поздней прозе и драмах Андреев предстает уже не столько как модернист, сколько как один из первых русских предпостмодернистов.

Об этом же свидетельствует и одноактная «маленькая трагедия» Андреева «Реквием». Ее подзаголовок («Игра»), хронотоп («театр в театре»), вокруг которого абсолютная «пустота»), подчеркнута условные, в большинстве своем автоинтертекстуальные, фигуры героев (Маскированный, Директор театра, Режиссер, Художник, Гордый человек — «движущийся манекен», Влюбленные, наконец, деревянные зрители), сюжет, воссоздающий итоги опустошения и умирания человеческой души, — все это свидетельствует о зарождении постмодернистской эстетики [Эртнер 1996; Карякина 2004; Московкина 2013]. В отличие от моцартовского, «Реквием» не стал последним творением Андреева, так как после него были написаны роман-миф «Дневник Сатаны» и «комедийка в одном действии» «Монумент». В обоих произведениях доминируют игровое начало и ирония, а коллизия «комедийки» предвосхищает постмодернистские фантазии Т. Толстой.

Все сказанное, как представляется, позволяет скорректировать представления о художественной системе Андреева как о переходной не от реализма к модернизму, а от модернизма к предпостмодернизму, предвещавшей появление Хармса, Булгакова и других постмодернистов первой волны. Это расширяет горизонт возможного учета опыта Андреева последующими поколениями писателей, а исследование такого аспекта может оказаться вполне продуктивным.

Литература

- Бабичева 1982 — Бабичева Ю. В. *Эволюция жанров русской драмы XIX — начала XX века: Учебное пособие к спецкурсу*. Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ин-та, 1982. 128 с.
- Барковская 2003 — Барковская Н. В. «Сказочки» Ф. Сологуба и «Случаи» Д. Хармса». «Странная» поэзия и «странная» проза: Филологический сб., посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. За-

- болоцкого. Яблоков Е. А., Лощилов И. Е. (ред.). М.: Пятая страна, 2003. С. 218–229. (Новейшие исследования русской культуры. Вып. 3).
- Боева 1996 — Боева Г. Н. *Идея синтеза в творческих исканиях Л. Н. Андреева*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 1996. 18 с.
- Боева 2016 — Боева Г. Н. “Творчество Леонида Андреева как явление модерна: к постановке проблемы”. *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 8 (Ч. 1), 2016: 17–19.
- Гиндин 2001 — Гиндин С. И. “Валерий Брюсов”. *Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн.* Келдыш В. А. (ред.). Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 3–62.
- Гусева 2012 — Гусева Т. К. “Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева”. *Вестник Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки»*. 2, 2012: 14–26.
- Дубинина 2015 — Дубинина Л. А. *Поэтика малой прозы В. Я. Брюсова 1900–1910-х годов*. Дис. ... канд. филол. наук. Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков, 2015. 226 с.
- Есаулов 1995 — Есаулов И. А. “Постсимволизм и соборность”. *Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной научной конференции: (Москва, 10–11 марта 1995 г.)*. Есаулов И. А. (ред.). Вып. 1. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 3–11.
- Иезуитова 1976 — Иезуитова Л. А. *Творчество Леонида Андреева (1892–1906)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 240 с.
- Иезуитова 2010 — Иезуитова Л. А. *Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды*. Валиева Ю. М., Шишкина Л. И. (ред.). СПб.: Петрополис, 2010. 737 с.
- Карякина 2004 — Карякина М. В. *Феномен игры в творчестве Леонида Андреева*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 214 с.
- Келдыш 1975 — Келдыш В. А. *Русский реализм начала XX века*. М.: Наука, 1975. 280 с.
- Кен 1975 — Кен Л. Н. “Леонид Андреев и немецкий экспрессионизм”. *Андреевский сборник: Исследования и материалы*. Афонин Л. Н. (ред.). Курск: Изд-во Курского гос. пед. ин-та, 1975. С. 44–66.
- Мережинская 2004 — Мережинская А. Ю. *Русский литературный постмодернизм: Художественная специфика. Динамика развития. Актуальные проблемы изучения: Учебное пособие*. Киев: Логос, 2004. 234 с.
- Молчанова 2014 — Молчанова Е. В. *Жанровая система малой прозы Ф. Сологуба*. Дис. .... канд. филол. наук. Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков, 2014. 210 с.
- Московкина 2005 — Московкина И. И. *Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева*. Харьков: Изд-во Харьковского национального ун-та им. В. Н. Каразина, 2005. 288 с.
- Московкина 2011 — Московкина И. И. “Комедийки» Л. Андреева: интертекст и метатекст”. *Творчество Леонида Андреева: современный взгляд: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя*. Михеичева Е. А., Ковалев П. А., Билибина И. А. (ред.). Орел: Картуш, 2011. С. 16–22.
- Московкина 2013 — Московкина И. И. “«Реквием» Леонида Андреева и «предмодернистский комплекс» начала XX века”. *Личность в межкультурном пространстве: Материалы VIII Международной научно-практической конференции: (Москва, 14–15 ноября, 2013)*. М.: РУДН, 2013. С. 193–197.
- Петрова 2010 — Петрова Е. И. “Игра, симулякры и псевдоподобия в повести Леонида Андреева «Мои записки»”. *Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия «Русская филология»*. 2, 2010: 208–215.
- Постсимволизм... 1995 — *Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной научной конференции*. Есаулов И. А. (ред.). Вып. 1. М.: Изд-во РГГУ, 1995. 49 с.
- Сухоруков 2013 — Сухоруков В. А. *Поэтика драматургии Л. Андреева*. Дис. ... канд. филол. наук. Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков, 2013. 220 с.
- Татаринов 2001 — Татаринов В. А. “Леонид Андреев”. *Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн.* Келдыш В. А. (ред.). Кн. 2. М.: Наследие, 2001. С. 286–340.
- Эртнер 1996 — Эртнер Е. Н. “Поэтика «игры» в пьесе Леонида Андреева «Реквием»”. *Эстетика диссонансов: О творчестве Л. Н. Андреева: Межвузовский сб. научных трудов к 125-летию со дня рождения писателя*. Михеичева Е. А. (ред.). Орел: ОГПУ, 1996. С. 102–104.

Статья поступила в редакцию 16 января 2017 г.

Статья рекомендована в печать 9 июня 2017 г.

The “pre-postmodernist complex” in Leonid Andreev’s prose and dramas against the background of the processes in the works by the symbolists of 1910s

For citation: Moskovkina I.I. The “pre-postmodernist complex” in Leonid Andreev’s prose and dramas against the background of the processes in the works by the symbolists of 1910s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 1, pp. 72–81. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.106>

The article characterizes the emergence of the “pre-postmodernist complex” in Leonid Andreev’s prose and dramas against the background of the processes in the works by the symbolists of the 1910s. F. Sologub created original cycles of miniatures such as *Transformations*, *Short Fairy Tales*. They appeared in the process of reducing all the artistic elements in the structure of the novellas, and a combination of completely opposite fragments or fragments of different nature was the basis of their grotesque integrity. This resulted in an ironic “descent” of the metamorphosis from the level of myth to an everyday situation, a deconstruction of the didactic genre of fairy tale, a play with common stereotypes, presenting paradoxical judgements and opinions. This foreboded the artistic practice of the Russian futurists (treating the word, interpreting and using its sign nature, functions of the primitive, etc.), Kharms’s absurdist prose, S. Krzyżanowski’s *Fairy Tales for Wunderkinder*, etc. In his short stories of the 1910s from *The Nights and the Days*, and *Rea Silvia. Eluli, the Son of Eluli*, Bryusov departed from the symbolist stylization and the author’s conception of *The Earth’s Axis* to pre-postmodernism, not to realism (as it is generally acknowledged). The invariant model of Bryusov’s modernist novella can be found at the basis of his works. In his poetics, a far greater role is assigned to irony, demythologization, a game with the reader, the intertext, and the author’s word is sometimes lost because of the expressly “cento”-text. The ironic adjustment of the concept used by the artist as the person who owns “the keys to mysteries” opened the space to different interpretation of works, being an anticipation of Nabokov’s and postmodernists’ techniques. Andreev’s works of 1908–1919 (from *My Notes to Satan’s Diary*) also have the “pre-postmodernist complex” characteristic of the post-symbolism. This complex includes a considerable amplification of irony and of the game principle with tragifarce traits; an important role of metatext; the conjugation of creating myths with demythologization, i. e. a play with the myth, an ironic reconsideration of the symbolist, Christian, ideological myths and one’s own myths, created in the past; the “twinkling” of meanings resulting in the multiple interpretations of the works. All these strategies and the specific features of the poetics were revealed in ironic novellas (*The Son of Man*, *Carelessness*, *The End of John the Preacher*, *A Devil at the Wedding*, *The Donkeys*, *The Cuckolds*, *Chemodanov*, etc.), miniatures (*The Tales not quite for Children*, *My Anecdotes*), one-act parodic and ironic “little comedies” (from *The Love to Your Neighbor* to *The Monument*).

Keywords: Leonid Andreev, *pre-postmodernist complex*, irony, demythologization, metatext, parody, anecdote, absurd.

References

- Бабичева 1982 — Babicheva I. V. *Evolutsiia zhanrov russkoi dramy XIX — nachala XX veka* [Evolution of the Genres of Russian Drama of the 19th — early 20th Centuries]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Publ., 1982. 128 p. (In Russian)

- Барковская 2003 — Barkovskaia N. V. “«Skazochki» F. Sologuba i «Sluchai» D. Kharmsa” [F. Sologub’s “Fairy Tales” and D. Harm’s “Events”]. *«Strannaia» poezii i «strannaia» proza: Filologicheskii sb., posviashchennyi 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. A. Zabolotskogo* [“Strange” Poetry and “Strange” Prose: Philological Collections: To the 100th Anniversary of N. A. Zabolotsky]. Iablokov E. A., Loshchilov I. E. (eds). Moscow: Piataya strana Publ., 2003. P. 218–229. (Noveishie issledovaniia russkoi kul’tury [The Latest Studies of the Russian Culture]. Issue 3). (In Russian)
- Боева 1996 — Boeva G. N. *Ideia sinteza v tvorcheskikh iskaniiakh L. N. Andreeva* [The Idea of Synthesis in Creative Searches of L. N. Andreev]. Extended abstract of PhD diss. (Philology). Voronezh State Univ. Voronezh, 1996. 18 p. (In Russian)
- Боева 2016 — Boeva G. N. “Tvorchestvo Leonida Andreeva kak iavlenie moderna: k postanovke problemy” [Works by Leonid Andreev as a Phenomenon of Modernism: On the Formulation of the Problem]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Issues of Theory and Practice]. 8 (Part 1), 2016: 17–19. (In Russian)
- Гиндин 2001 — Gindin S. I. “Valery Brusov”. *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Centuries (1890s — Early 1920s)]: In 2 books. Keldysh V. A. (ed.). Book 2. Moscow: Institute of World Literature of the RAS Press; Nasledie Publ., 2001. P. 3–62. (In Russian)
- Гусева 2012 — Guseva T. K. “Garmoniia i khaos: kontseptsiiia ekzistentsial’nogo cheloveka Leonida Andreeva” [Harmony and Chaos: The Concept of the Existential Person of Leonid Andreev]. *Vestnik Moskovskogo gos. gumanitarnogo un-ta im. M. A. Sholokhova* [Herald of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Series “Philological Sciences”]. 2, 2012: 14–26. (In Russian)
- Дубинина 2015 — Dubinina L. A. *Poetika maloi prozy V. Ia. Briusova 1900–1910-kh godov* [Poetics of Short Stories of V. Ya. Brusov]. PhD diss. (Philology). Karazin National University. Harkov, 2015. 226 p. (In Russian)
- Есаулов 1995 — Esaulov I. A. “Postsimvolizm i sobornost’” [Post-symbolism and Sobornost’]. *Postsimvolizm kak iavlenie kul’tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: (Moskva, 10–11 marta 1995g.)* [Post-symbolism as a Cultural Phenomenon: Proceedings of the International Research Conference: (Moscow, March 10–11, 1995)]. Esaulov I. A. (ed.). Issue 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 1995. P. 3–11. (In Russian)
- Иезуитова 1976 — Iezuitova L. A. *Tvorchestvo Leonida Andreeva (1892–1906)* [Works of Leonid Andreev]. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1976. 240 p. (In Russian)
- Иезуитова 2010 — Iezuitova L. A. *Leonid Andreev i literatura Serebriianogo veka: Izbrannye trudy* [Leonid Andreev and Literature of the Silver Age: Selected Works]. Valieva I. M., Shishkina L. I. (eds). St. Petersburg: Petropolis Publ., 2010. 737 p. (In Russian)
- Карякина 2004 — Kariakina M. V. *Fenomen igry v tvorchestve Leonida Andreeva* [Phenomenon of Play in the Works of Leonid Andreev]. PhD diss. (Philology). Ekaterinburg, 2004. 214 p. (In Russian)
- Келдыш 1975 — Keldysh V. A. *Russkii realizm nachala XX veka* [Russian Realism in the Early 20th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 280 p. (In Russian)
- Кен 1975 — Ken L. N. “Leonid Andreev i nemetskii ekspressionizm” [Leonid Andreev and German Expressionism]. *Andreevskii sbornik: Issledovaniia i materialy* [Andreev Book: Research and Materials]. Afonin L. N. (ed.). Kursk: Kursk State Pedagogical Univ. Publ., 1975. P. 44–66. (In Russian)
- Мережинская 2004 — Merezhinskaia A. I. *Russkii literaturnyi postmodernizm: Khudozhestvennaia spetsifika. Dinamika razvitiia. Aktual’nye problemy izucheniia*. [Russian Literary Post-modernism: Literary Features. Dynamics. Current Research Issues]. Kiev: Logos Publ., 2004. 234 p. (In Russian)
- Молчанова 2014 — Molchanova E. V. *Zhanrovaia sistema maloi prozy F. Sologuba* [Genre System of the Short Stories of F. Sologub]. PhD diss. (Philology). Karazin National University. Harkov, 2014. 210 p. (In Russian)
- Московкина 2005 — Moskovkina I. I. *Mezhdru «pro» i «contra»: koordinaty khudozhestvennogo mira Leonida Andreeva* [Between Pro and Contra: Axis of the Imagery World of Leonid Andreev]. Harkov: Karazin National Univ. Publ., 2005. 288 p. (In Russian)
- Московкина 2011 — Moskovkina I. I. “«Komediiiki» L. Andreeva: intertekst i metatekst” [“Komediiiki” by L. Andreev: Intertext and Metatext]. *Tvorchestvo Leonida Andreeva: sovremennii vzgliad: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel’ia* [Works by Leonid Andreev: Contemporary View: Proceedings of the International Research Conference on the 140th Anniversary of the Writer]. Mikheicheva E. A., Kovalev P. A., Bilibina I. A. (eds). Orel: Kartush Publ., 2011. P. 16–22. (In Russian)
- Московкина 2013 — Moskovkina I. I. “«Rekviem» Leonida Andreeva i «predmodernistskii kompleks» nachala XX veka” [Requiem by Leonid Andreev and Pre-modernist Complex of Early 20th Century]. *Lichnost’*

- v mezhkul'turnom prostranstve: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: (Moskva, 14–15 noiabria, 2013).* [Person in the Cross-cultural Space: Proceedings of the 8th International Research and Practical Conference: (Moscow, November, 14–15, 2013)]. Moscow: RUDN Publ., 2013. P. 193–197. (In Russian)
- Петрова 2010 — Petrova E. I. “Igra, simuliakry i psevdopodobiiia v povesti Leonida Andreeva «Moi zapiski»” [Game, Simulacra and Pseudo-likeness in the Story of Leonid Andreev “My notes”]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Seriiia «Russkaia filologiiia»* [Herald of the Moscow Region State University. Series “Russian Philology”]. 2, 2010: 208–215. (In Russian)
- Постсимволизм... 1995 — *Postsimvolizm kak iavlenie kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Post-symbolism as a Cultural Phenomenon: Proceedings of the International Research Conference]. Esaulov I. A. (ed.). Issue 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 1995. 49 p. (In Russian)
- Сухоруков 2013 — Sukhorukov V. A. *Poetika dramaturgii L. Andreeva* [Poetics of Drama of L. Andreev]. PhD diss. (Philology). Karazin National University. Harkov, 2013. 220 p. (In Russian)
- Татаринов 2001 — Tatarinov V. A. “Leonid Andreev” [Leonid Andreev]. *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Centuries (1890s — Early 1920s)]: In 2 books. Book 2. Moscow: Nasledie Publ., 2001. P. 286–340. (In Russian)
- Эртнер 1996 — Ertner E. N. “Poetika «igry» v p'ese Leonida Andreeva «Rekviem»” [Poetics of Play in Leonid Andreev's *Requiem*]. *Estetika dissonansov: O tvorchestve L. N. Andreeva: Mezhvuzovskii sb. nauchnykh trudov k 125-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia* [Aesthetics of Dissonances: On the Works by L. N. Andreev: Cross-university Collection of the Research Papers on the 125th Anniversary of the Writer]. Mikheicheva E. A. (ed.). Orel: Orel State Pedagogical Univ. Publ., 1996. P. 102–104. (In Russian)